

ЛИСТАЯ НОВЫЕ СТРАНИЦЫ

Пронин М.А. ЭКЗИСТЕНЦИЯ: ЗАБЫТЫЙ ЧЕРНОБЫЛЬ. ЗАПИСКИ ЛИКВИДАТОРА. М.: Канон +; Реабилитация, 2016. 224 с.

Несколько событий, или фактов — Чернобыльская катастрофа, книга о ней, автор книги, сам “ликвидатор” в течение нескольких лет, и читатель — завязались в тугой и сложный узел.

Начнем с катастрофы. Почему она именуется в названии книги “забытой”? О ней часто вспоминают, говорят, пишут, снимают и показывают... Кем забытый Чернобыль? Как его можно забыть, если он вошел в жизнь людей и стран как черный рок, как необоримая стихия ужаса, разрушений и смерти?

Сама катастрофа поставила вопрос об экономической выгоде ценой смерти — не только тех, кому эта выгода была обещана. Скорее, совсем не тех. Смерти как таковой, как экзистенциалу, говоря языком автора. Смерти городов, рек и лесов, животных, домов, машин, самой станции... мужчин, женщин, детей, стариков... Это гораздо больше, чем вопрос об ответственности тех или иных людей, по вине которых произошла катастрофа и скрывались ее опасности и последствия. Это вопрос о преступности технократизма, якобы незаметно, “по умолчанию”, доминировавшего в планах партий и правительства. Партий, правительств, министерств и ведомств. Ученых, конструкторов, политиков, экспертов.

Вопрос о подкладке цивилизации, забывшей о культуре (если воспользоваться их противопоставлением, как это делал мудрый О. Шпенглер). Вопрос о том, состоялось ли человечество как субъект своей собственной истории. Чернобыль дает отрицательный ответ. И наконец, это вопрос о месте человека — конкретного, живого, со своей уникальной биографией, — в этой извечной трагической сумятице добрых намерений, упований на дешевый эффект, на “авось”, перфекционизм исполнителей и пофигизм руководителей... Исполнение воинского или служебного долга ценой героизма и жертвы при бездарном и наплевательском руководстве начисто лишает социальную мотивацию высокого смысла. Остается смысл личный, экзистенциальный. Так я и понимаю заголовок книги “Экзистенция”, и в этом названии мне чудится сплетение Эроса и Танатоса, существования и уничтожения, Жизни и Смерти, для которых и катастрофы, и триумфы — только поле для вечной брани, перемещающееся из социального в личное пространство. Для каждого такое сплетение и есть своя собственная философия.

Философия строится в основном тремя путями. Одни философы из слов выводят слова, дру-

гие из слов выводят мир, а третьи из мира выводят слова. Первые обладают знаниями алгоритмов преобразования слов (это история философии), вторые знают, что нужно для выведения мира из слов (это метафизика), третьи пытаются понять, как мир может быть исходным пунктом для слов. Для первых двух вначале — слово. Потом — алгоритмы словесных преобразований. Только цели разные — создать либо теорию, либо онтологию. Для третьего — вначале мир, потом уже слово. И алгоритмов выведения слов из мира не так много. Один из них — экзистенциальная философия. Так что книга Пронина — это воспоминания Пронина и философия Пронина, размышление о своей экзистенции.

Забывтый Чернобыль — это, скорее всего, не о людской памяти, а о политике “призвать к забвению”, стереть следы, фактически убрать свидетелей — взяв в компаньоны невидимую, но беспощадную смерть. Она-то ничего не забывает. Как всегда, цинизм цветет на могиле святости. А память людская — она как раз хранит “обыденность святости” (если перевернуть слова Х. Арендт об обыденности зла), простоту суворовского “сам погибай, а товарища выручай”, она вышелушивает простые вещи — отвагу, заботу, риск, ловкость, помощь. Но помнит и низость, подлость и трусость. Катастрофа — рукотворная — всегда прежде катастрофа “человеческого фактора”, а уж потом — нечеловеческого.

Автор говорит: Чернобыль не кончился. Чернобыль — я так воспринимаю текст, — это аллегория и заодно — алгоритм жизни в зоне постоянно действующей катастрофы — но уже не техногенного, а политического происхождения. Безо всякого мирного атома жизнь выжигается на просторах Родины планомерно и последовательно. Миниатюры из

провинциальной жизни, в частности, Калужской области — запустение, пустошь на месте бывших полей и садов, 500 “гробовых” рублей как основа процветания в зараженной зоне (с. 41), деградация деревень и дикость как образ жизни — картины знакомые, увы, не только на страницах книги Пронина. Вспоминается старый анекдот: на лекции о происках империализма оратор доложил о нейтронной бомбе, она, мол, всех убивает, но не портит имущество. Вопрос из зала: так как же на нас тако впало — мы е, а ничего нема?

Теперь — парадокс самого автора. “До сих пор вспоминаю ту пору как лучшие месяцы моей жизни” (с. 15), — пишет он. Как это? Столкнуться с угрозой, идти на риск, подделывать анализы крови, чтобы попасть в Чернобыль (с. 17)? Подозревая, какие технологии будут применяться при “ликвидации” аварии: “почти всех подготовленных (ликвидаторов) выжгли в первые месяцы, в первый год” (с. 31). “Поначалу быстро закрыть проблему, решить задачу было важнее, чем запомнить, как

А. Воронин
Пронин М.А.
Экзистенция:
забытый
Чернобыль

это делалось, важнее, чем записать и сохранить опыт. По сути, людей просто штабелями укладывали, чтобы по ним проехать” (с. 81). Пытаюсь, как читатель, найти в тексте обоснования такой мотивации, а нахожу множество бытовых зарисовок. Байки — какие обычно рассказывают бойцы на фронте — курьезы с начальством, бытовые подробности, “как я водку прятал”, “в медчасти была одна девушка”... — а за всеми этими байками почти незаметно маячит еще один персонаж — он то всегда присутствует, во всех смешных и не очень историях. Этот персонаж — смерть, она в контексте, в тексте ее почти нет. Причем не бравада, а небрежно привычное отношение к смертельной опасности — уважительное, но все же снисходительное. Вот в этом очень много от нашего наднационального советского характера. Понять такое я не могу. Потому что сие у нас в подсознании.

Рассказы о том, что и как там делали, какие отношения складывались между людьми, какие были курьезные, а какие серьезные случаи... Как отлили пулю про свинцовые трусы, которые якобы начальство носит, а нам не дает, как пришлось работать с заключенными... Вот тут мы уже имеем дело не столько с предметом, сколько с манерой изложения. Литературный прием — приземление пафоса, “а что, мол, обычное дело, сказано — сделано” достигает своей цели: оставляет в подстрочнике — или между строк — общий фон, который в книге “фонит” как сам 4-й энергоблок в Чернобыле. Этот фон, эта грунтовка картины маслом — смертельный риск, в котором проживают персонажи воспоминаний, с которым они научились обходиться по правилам, но который может все эти правильные правила в один миг нарушить, отменить.

Мне это напомнило замечательный фильм “Баллада о солдате”, в котором не прозвучало ни одного выстрела, а о войне сказано так много и так достоверно.

“В Чернобыле я увидел людей, которым авария и каждодневный героизм, проявляемый при ее ликвидации, придавали смысл жизни, самоуважение. Осмысленный героизм был преобладающим явлением” (с. 93). Это очень важно: героизм и мобилизационный стиль жизни ярче и привлекательнее обычной жизни — пустой и бессмысленной, в которой нет ничего достойного подвига, свершения, вообще чего-то значительного. Это не случайный сюжет ни в книге, ни в жизни. Выхолощенная личная, индивидуальная жизнь стала результатом идеологии “человека-винтика” в системе подчинения человеческого государственному, самоотвержения ради мнимых высот коммунистического завтра. Дилемма долга и партикулярности вообще отсутствовала, долг был безусловен и непоколебим. Вот еще одна схожая ситуация: герой А. Папанова в фильме “Белорусский вокзал” тоскует по армии, потому что там было “все понятно. Вот враг, вот друг, вот строй, вот приказ”. А в мирной жизни все непонятно, двусмысленно, туманно. И ведь так оно и вышло: после “ликвидации” сами ликвидаторы как-то постепенно, но повсеместно перестали интересоваться тех, чьи приказы они исполняли, кому подчинялись и кто обещал им всестороннюю поддержку. “Никакой поддержки ликвидатору и профилактики противорадиационной не было: психологической, медицинской. Социальной, культурной. Да никакой. Учета доз облучения не было” (с. 162). Это ситуация “сюра”, было такое выражение, то есть сюрреалистическая, когда вещи вдруг приобретают вывернутое наизнанку значение. Вот

вроде комическая история о том, как офицеры мерялись числом почетных грамот. Самую экзотическую грамоту получил наш автор на имя несуществующей жены героя-ликвидатора М.А. Пронина. Так вот эта грамота сыграла злую шутку с Михаилом — претендентки на это высокое звание, увидев грамоту из Чернобыля, давали задний ход, так что чуть не остался наш автор бобылем. “Отворотная грамота” — еще один пример жизни шиворот-навыворот, или “сюра”, в терминологии автора. Награды Родины и начальства воспринимаются с иронией, как цацки, не заслуживающие серьезного отношения (с. 98).

То же с отчетом о проделанной работе — переход от героического к формально-бюрократическому этапу “ликвидации” был ознаменован помпезно сочиненными длинными текстами, любезными придирчивому и чувствующему направлению командных ветров начальству (с. 108).

М.А. Пронин рассказывает, как писалась книга, как чтение отрывков вызывали у слушателей одобрение, а это стимулировало дальнейшую работу (с. 196 и далее). А у меня как у читателя возникает ощущение, что читаю этот текст уже не так, как прочел бы несколько лет назад. Отступив на изрядное время, видишь панораму катастрофы в более обобщенном виде. Мне уже не так важны детали, хотя они красноречивы и живо описаны. Улавливаю более глубокий подтекст книги, даже рискую приписать автору намерения, которых у него и не было. Этот подтекст — в том, что человек может очень многое, когда берется согласованно и дружно, в том числе в критических ситуациях. Избежать их он пока не может. Вот в чем “невыполнимая миссия” человека. И как-то надо с этим справиться¹.

© 2016 А.А. ВОРОНИН,
доктор философских наук

А. Воронин
Пронин М.А.
Экзистенция:
забытый
Чернобыль

¹ Отдельные главы из книги М.А. Пронина “Экзистенция: Забытый Чернобыль” были опубликованы в журнале “Человек”. См.: Пронин М.А. “Всюду жизнь...” Записки ликвидатора / Человек. 2014. № 2. С. 151–167. (Примеч. ред.)

НОВЫЕ КНИГИ

Солонин Ю.Н. Целостность гуманитарного знания. СПб.: Наука, 2015. 639 с.

Сухинина Н.Е. Какого цвета боль?: Сб. очерков. 4-е изд. М.: Алавастр, 2015. 240 с.

Уильямсон В. Мы — это музыка. Как музыка влияет на наш мозг, здоровье и жизнь в целом / Пер. с англ. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2015. 240 с.

Фексеус Х. Искусство манипуляции. Как читать мысли других людей и незаметно управлять ими / Пер. со швед. М.: АСТ, 2015. 320 с.

Фернандес-Араос К. Окружи себя лучшими: Книга о том, почему кадры действительно решают все / Пер. с англ. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2015. 256 с.

Филлипс У. Трололо: Нельзя просто так выпустить книгу про троллинг / Пер. с англ. М.: Альпина паблишер, 2015. 300 с.

Философия в Петербурге: Вчера, сегодня, завтра: Дни философии в Санкт-Петербурге: Сб. ст. / С.И. Дудник, В.М. Камнев, Н.В. Кузнецов и др. СПб.: Наука, 2015. 327 с.